

Вечером того же дня, когда закончилось совещание, Шади вновь пробрался в кабинет Хильвина по тайному ходу. Хильвин, словно заранее зная о визите, уже приготовил две чашки свежесваренного чая. Как только Шади вышел из секретного прохода, Хильвин встал и отвесил ему поклон:

— Учитель.

Шади с некоторым недовольством оглядел нарочито смиренную фигуру ученика и лишь спустя долгое время произнес:

— Глядя на тебя сейчас, ни за что не скажешь, что ты из тех, кто любит красоваться на публике. Ты даже меня чуть было не обманул.

— Не смею, учитель.

— Не смеешь? А как же тогда твои тайные сговоры с пограничными вассалами? И все эти красивые речи на собрании? Решил, что сможешь повернуть всё за моей спиной и обвести меня вокруг пальца?

— Я лишь думал, как облегчить ваше бремя. Вы предложили Его Величеству столь дальновидный план, и если бы экстренные меры также исходили от вас, это выставило бы вас слишком уж прозорливым. В таком случае ваш образ, который вы так долго выстраивали в кабинете министров, мог бы пошатнуться. Пока наш замысел не воплощен в жизнь, порой необходимо уметь вовремя скрыть свой блеск.

Шади искоса взглянул на Хильвина, погладил бороду и холодно хмыкнул:

— Выходит, ты так обо мне заботишься?

— Всем, чего я достиг, я обязан вашим наставлениям и урокам. Естественно, каждый мой шаг направлен на ваше благо.

— Надеюсь, ты говоришь это искренне.

— Я просто считаю, что подобные собрания — такие сцены — куда лучше соответствуют видению Его Величества о соперничестве сотни школ мысли. Если в правительстве кто-то один начнет доминировать, как вы думаете, кто станет первой мишенью для удара?

— Разумеется, тот, кто возвышается над остальными...

Задумавшись, Шади внезапно прозрел. Хотя внешне он поддерживал образ прилежного, но немногословного чиновника, его реальное положение в кабинете и разветвленная сеть связей заставляли многих вассалов трепетать перед ним. По сути, Шади уже давно стал тем самым единоличным правителем в тени. Он привык управлять кабинетом и вассалами из темноты и всегда опасался, что кто-то может пошатнуть его статус.

Хильвин, пробыв подле Шади столь долгое время, прекрасно понимал, что порожденная высоким положением подозрительность стала его второй натурой. Она знала: как только она сделает первый шаг к созданию собственной группы сторонников, Шади непременно попытается ей помешать. Ему нужна была послушная пешка, а не собака, виляющая хвостом,

но действующая исподтишка. Поэтому, прежде чем Шади явился с грозными расспросами, она уже подготовила слова, способные развеять его сомнения.

Для Шади сейчас было важно не расширение влияния при дворе, а нечто иное — ему нужно было снять подозрения со стороны Тобиши. Тобиша, как и сам Шади, не терпел, когда подчиненные обрастали связями за его спиной. Поэтому лучшим способом убедить Шади было прямо указать на его собственное уязвимое положение и объяснить, что действия Хильвина направлены лишь на то, чтобы избавить его от угрозы. Три доли лжи и семь долей правды — такая речь способна тронуть любого, и Шади, конечно, не смог устоять перед подобной заботой.

— Учитель, Его Величество не любит слишком умных людей. Вы должны знать это лучше меня.

— Я, разумеется, знаю. Но впредь создавать сцены для соперничества сотни школ будешь не ты. Это в последний раз.

Сказав это, Шади стукнул посохом о пол, подчеркивая свое предупреждение. Хильвин понимающе кивнула:

— Я поняла. Впредь я буду делать лишь то, что вы скажете, и не допущу подобных вольностей.

Услышав обещание, Шади удовлетворенно кивнул и, махнув рукой, скрылся в тайном проходе. Хильвин проводила его взглядом и, когда фигура учителя окончательно исчезла, позволила себе холодную усмешку.

Представление, которое разыграется в стенах дворца, определенно будет становиться всё интереснее.

<http://bllate.org/book/20759/2082236>